

Противник врага — насильника, это — олицетворение народной силы и мощи, герой, богатырь. Но сходство между повестью о Петре и Февронии и этим циклом произведений следует объяснять не только этой общей причиной. Можно предполагать, что в основу первой части повести о Петре и Февронии легло определенное русское народно-поэтическое сказание или песня об огненном летающем змее, причем в таком составе компонентов, в каком ни одно из произведений этого цикла не сохранилось в фольклоре поздних записей.¹

5

В центре второй части повести о Петре и Февронии стоит образ героини повести. В нем ярче всего выражены основные идеи и пафос повести. В связи с этим, вокруг него группируются все эпизоды повествования, им в значительной степени определяется композиция второй части повести.

Образ героини повести — это поэтический образ пряжи, мудрой крестьянской девушки, своей сказочной мудростью побеждающей князя. Она — носительница активной любви, организующей, преобразующей обиденную жизнь до уровня христианского идеала. Она вместе с тем — идеал женщины-правительницы, как он складывался в сознании некоторых слоев русского общества второй половины XV в. Характерно то, что используя народно-поэтический сюжет и в то же время видоизменяя его, автор повести углубляет и решает в социальном плане сказочную мотивировку ухода героини из дома мужа вследствие ослушания. Героиня повести вынуждена оставить княжеский дом вследствие мятежа бояр. Она же и посрамляет их, оказавшись умнее и дальновиднее их. В создании образа героини повести с наибольшей выразительностью художественно претворено и сожаление о невозвратимом прошлом, сожаление об утерянной областной самостоятельности, и ясное ощущение идеалов нового времени — необходимости сильной и мудрой княжеской власти. Это — своеобразное отражение одного из противоречий, которыми так богат имевший огромное значение в истории русской культуры XV век.

Вопрос о создании образа героини повести осложняется и приобретает еще больший интерес вследствие того, что как образ героини, так и вся вторая часть повести, вне всякого сомнения, теснейшим образом связаны с русским фольклором — они явились в результате творческого переосмысления русской сказки о мудрой девице.

Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский Край, т. II. СПб., 1873, стр. 129—130, № 45 „Кирило Кожемяка“; А. Афанасьев. Русские народные сказки, т. II. М., 1914, стр. 128—129, № 85 „Никита Кожемяка“; Е. Романов. Белорусский сборник, т. I, вып. 3, Витебск, 1887, стр. 217—218, № 32 „Курила Кожемяка“.

¹ В народных эпических песнях южных славян также можно указать ряд совпадений с первой частью повести о Петре и Февронии. — См. об этом: М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об огненном змее. (Научн. бюл. Ленингр. Гос. ордена Ленина ун-в., 1946, № 11—12, стр. 35—39).